

АНЮЙСКАЯ ЯРМАРКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основе отчетов колымских исправников анализируется межэтническая интеграция русских и чукчей в период падения экономического значения Анюйской ярмарки.

Анюйская ярмарка широко известна в исторической литературе как центр общения русских и чукчей в конце XVIII–XIX вв. Возникновение ее, по сведениям барона Майделя, относится к 70-м гг. XVIII в., когда после ликвидации Анадырского острога чукчи стали выходить для торговли с русскими на берег Большого Анюя. Комиссар г. Зашиверска Баннер, узнав об этом, предложил чукчам уплачивать ясак в обмен на подарки от правительства и организовал торговлю.

В 1788 г. после заключения с чукчами Гижигинского мира на притоке Б. Анюя – Ангарке была построена «Ангарская крепостца» [1. С. 81–82], где весной ежегодно происходила меновая ярмарка под охраной казаков. В 1794 г. по просьбе чукчей ярмарка была перенесена на один из островов Б. Анюя в 200 верстах от г. Нижнеколымска, почему ярмарка и получила название «Островная» [2. С. 131]. Но и это место оказалось также не очень удобным из-за ежегодного его затопления, и когда в 1848 г. часть острова была снесена рекой, ярмарку перенесли на 10 верст южнее – на левый берег р. М. Анюй [3. С. 32].

Анюйская крепость представляла собой четырехугольную деревянную постройку из тонкого леса 85 саженей (181 м 36 см) в длину, 55 саженей в ширину (117 м 35 см) и сажень в высоту (2 м 13 см). Забор стоял на твердой почве связанный вверху деревянными скреплениями. Внутри размещались: маленькая часовенка, квартира исправника и два десятка домиков, где во время ярмарки останавливались торговцы. В крепость вели бревенчатые ворота с небольшой башенкой, украшенной деревянным крестом [4. С. 271]. В дни ярмарки перед этими воротами на льду М. Анюя собирались чукчи, ожидающие начало торга. Крепость эта даже в начале своего существования не несла сколько-нибудь серьезной защитной функции и скорее просто очерчивала русское присутствие на чукотской земле. Все сооружения были построены в начале 1850-х гг. и, по всей вероятности, никогда серьезно не ремонтировались. Если в 1860-х гг. забор еще стоял, то в конце XIX в. северная и восточная стены уже лежали на земле, а две другие изогнулись во все стороны и едва держались, символизируя во всей красе упадок Анюйской ярмарки [5. Л. 6].

Рассвет Анюйской ярмарки пришелся на первую половину XIX в., когда ее обороты, по сведениям Йохельсона, исчислялись сотнями тысяч рублей [3. С. 34]. В дальнейшем ее торговая монополия была серьезно нарушена Анадырской ярмаркой и американскими китобойными судами [6. С. 258–271]. Ярмарка длилась 5–7 дней и проходила в конце марта или в начале апреля, в зависимости от того, когда собирались все ее участники. Купцы и торговые люди приезжали из Якутска и Нижнеколымска. Чукчи прикочевывали к крепости и располагались лагерями на расстоянии 1–3 версты от нее. Дорога от г. Нижнеколымска до Анюйской крепо-

сти, по сведениям Земского заседателя Колымского округа Попова, занимала от 3 до 5 дней на собачьих упряжках и представляла собой изнурительное мероприятие. Первые 45 верст от г. Нижнеколымска до с. Пантелеихи проходили по реке Колыме и были достаточно удобны для передвижения, следующие 145 верст приходилось ехать по глубокому снегу с горы на гору между деревьями, по кочкам, пням и кустарнику. «Такая езда страшно утомляет собак и каюров, принужденных все время бежать около нарты, чтобы не дать ей сползти на стороны, а пассажиры все время чувствуют такую же качку, как на море. Последние 10 верст по Анюю вполне сносны» [5. Л. 7–8].

Первым в Анюйскую крепость приезжал Колымский окружной исправник и 5–7 человек казаков, которые рассчитали снег, запасали топливо, а во время ярмарки следили за порядком. Через несколько дней прибывали торговые люди с товаром [1. С. 86]. Кроме товаров необходимо было везти еще и провизию для себя и для собак, т.к. единственным питанием, которое можно было приобрести в тундре, были олени чукчей и ламутов (эвенов) [5. Л. 7–8]. Очевидно, что отправиться в такое путешествие можно было только рассчитывая на выгоду.

С 1811 по 1869 г. торговый обмен на Анюйской ярмарке регулировался правилами иркутского гражданского губернатора Трескина. По правилам торг начинался только после взноса ясака и одаривания чукчей. Основным денежным эквивалентом ярмарки являлась шкура красной лисы. Русские и чукчи останавливались отдельно, и их встречи могли проходить только днем. И самое главное: спиртное и кредитные сделки исключались. Правила эти были вызваны к жизни имевшими место кровавыми конфликтами в процессе торгового обмена русских и чукчей. Чукчи приходили на торг в полной военной экипировке и при малейшем неудовольствии пускали в ход оружие. Таким образом, кредит, неизменно присутствовавший в торговом обмене между русским и коренным населением Сибири, здесь был смертельно опасен [1. С. 3–4, 83–84]. Обе стороны вынуждены были принять правила Трескина, и даже когда барон Майдель отменил их в 1870 г., они в основном сохранились как традиция.

Сущность торговли на Анюйской ярмарке составлял обмен чукчами пушнины и моржовых клыков на черкасский табак и железные изделия (котлы, ножи, топоры, пальмы). Табак и железные изделия чукчи везли на острова и меняли на пушнину и американские товары у каргаулей (американских эскимосов). К середине XIX в. эта торговая схема была уже устоявшейся. Носовые чукчи снабжали русским железом и табаком весь крайний северо-восток, Алеутские острова и побережье Аляски [7. С. 258–271]. Они же привозили на Анюйскую ярмарку лучшую пушнину (чернобурук, красных лисиц, сиводушек, песцов, бобров и пр.).

Анюйская ярмарка начиналась с дипломатической части – дружеского чаепития колымского исправника и чукотских эремов в крепости. Через переводчика (одного из колымских казаков) исправник спрашивал у чукчей о здоровье оленей, об успешности их торговли с каргаулями, о судах, подплывающих к их берегам. На следующий день следовал ответный визит исправника к эреме, затем 2–3 дня длилась сдача ясака и одаривание чукчей, которое также заканчивалось угощением. На приемы ежегодно расходовались: 1 фунт чая, 20–25 фунтов сахара и леденцов, 1 пуд сдобных булочек (сухарей) [8. Л. 8–9, 23–30, 36–40, 52–54, 58–63, 80–83, 104–106, 127–128, 163–164; 9. Л. 29–30, 38–39, 47–48].

На ярмарке нередко устраивались ламутские танцы и чукотские игры (состязания в борьбе и беге). Один из дней ярмарки нередко выпадал на праздник Святой Пасхи. В этот день прерывались все торговые мероприятия и в часовне проводилось богослужение. Чукотские эремы непременно присутствовали на них, облачаясь в подаренные им русскими властями кафтаны, медали и ленты с полным сознанием того, что все это имеет непосредственное отношение к празднику. В дни сдачи ясака и в праздник чукчи наносили визиты знакомым купцам, с которыми предварительно договаривались о ценах. В последний день происходил торг и опять же наносились прощальные визиты [4. С. 719–724]. Во время этих приемов происходил обмен информацией и решались основные вопросы взаимоотношений русских и чукчей. Так, в 1857 г. договаривались об оспопрививании на следующей ярмарке [8. Л. 7]. В 1858 г. колымский купец Барамыгин уговорил главу носовых чукчей Дмитрия Хотто посетить Якутск и встретиться с Якутским губернатором [8. Л. 22]. А в

1859 г. Якутск посещал чукотский эрем Андрей Амвругин. Оба были тепло приняты и богато одарены [8. Л. 35]. Именно этим объясняется рост плательщиков ясака в 60-е гг. XIX в. (табл. 1). Но при этом все чукчи по-прежнему отказывались отдавать своих сыновей для учения в Якутск, как того желали областные власти. В 1861 г. Амвругина торжественно наградили золотой медалью «За усердие» и лентой святого Станислава. В этом же году чукчи просили выделить им 1 пуд чилибухи для отравления волков, угрожающих их оленям [8. Л. 71–73, 95–97]. В 1862 г. золотой медалью наградили Дмитрия Хотто и вручили ему письмо с портретом якутского губернатора Штубендорфа. По свидетельству колымского исправника Анатовского, Хотто с минуту смотрел на портрет, а затем закричал «Здравствуй» и заулыбался, как будто лично увидел его превосходительство [8. Л. 101–103].

Чукчи рассказывали о своих конфликтах с гижигинскими коряками в 1862 г. и с американскими китобоями в 1863 г. [8. Л. 113–114, 124–125]. В марте 1867 г. они сообщили о начале заселения американцев на острова и организации ими пунктов постоянной торговли [8. Л. 155–156]. С 1867 г. заметно пали обороты Анюйской ярмарки (табл. 1). Изменилось количество и качество привозимых на продажу мехов: больше стало оленьих шкур, белок, выпоротков, ровдуг, что отражало ассортимент местного промысла. Так, продажа Россией полуострова Аляски Соединенным Штатам Америки заметно уменьшила русское влияние в регионе и экономическую заинтересованность в торговле с русскими. По донесению Якутского губернатора в 1872 г. носовые чукчи хвалили американских китобоев, говорили, что они добрее, потому что возят им «Аха-мияз» – водку, от которой бывает весело торговать [9. Л. 24].

Т а б л и ц а 1

Обороты Анюйской ярмарки во второй половине XIX в.*

Дата ярмарки	Оборот, руб.; коп.	Число плательщиков ясака	Ясак
1857, 20–25 марта	8919; 20,25	31 чукча	31 красная лиса
1858, 16–27 марта	9049; 27,5	34 чукчи	34 красные лисы
1859, 11–18 марта	12088	50 чукчей	50 красных лисиц
1860, 22–28 марта	14307; 18	88 чукчей	86 красных лисиц, 1 чернубурка, 1 куныя парка, 1 парка из выдр, 4 белых песца, 1 голубой песец, 10 куниц, 1 сиводушка, 4 моржовых клыка, 1 речной бобер, 1 рысь, 1 мышь парка, 1 парка горностаевая, 1 выдра, 1 горностаевая куклянка, 1 поровая парка, 4 пыжика, 4 олени шкуры, 15 выпоротков, 1 медвежья шкура
1861, 24–31 марта	10802; 32,5	78 чукчей	75 красных лисиц, 1 белый песец, 2 ровдуги
1862, 3–10 апреля	5562; 54,75	77 чукчей, из них 25 носовых	73 красные лисицы, 20 белок, 1 белый песец, 2 ровдуги
1863, 18–21 марта	7895; 18,25	56 чукчей	53 красные лисы, 2 песца, 2 ровдуги
1864, 17–23 марта	12638; 20,25	49 чаусских чукчей и 14 носовых	62 красные лисицы, 2 ровдуги.
1865, март	26164; 48	49 чаусских чукчей и 9 носовых	51 красная лиса, 1 куница, 1 песец, 1 ровдуга
1866, март	25045; 25	47 чаусских чукчей и 9 носовых	
1867, 26–30 марта	14755; 85	51 чукча	40 лисиц, 1 песец, 3 ровдуги, 3 куницы, 2 пыжика и 6 руб. серебром
1872, 1–5 апреля		≈ 700 чукчей, всего 1500 чел.	
1873, 3–10 апреля	5035; 53	16 чел. носовых чукчей	11 красных лисиц, 5 белых песцов
1874, 27–30 марта	5442; 61	17 чаусских чукчей, 9 шеллакских, 15 носовых	15 красных лисиц, 10 белых песцов, 1 рубль
1875, 4–9 апреля	3707; 52,5	13 чаусских чукчей и 6 шеллакских	11 красных лисиц, 8 песцов
1898, 8–12 апреля	6538	366 чукчей, из них 4 носовых, всего 591 чел.	246 руб. 05 коп., из них с чукчей 109 руб. и 7 красных лисиц
1899	11854		
1900	7551		
1901	8500		
1902, 30 марта–2 апреля	5526	164 чукчи, всего 305 чел.	38 руб.
1903	6668	144 чукчи	12 руб.

*ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 1735. Д. 29. Л. 1–164; Картон 2028. Д. 12. Л. 24–50; Ф. 25. Оп. 8. Картон. 821. Д. 148. Л. 1–4; Картон 839. Д. 739. Л. 2–9; Картон 846. Д. 1079. Л. 2–8.

Анюйская ярмарка не прекратила своего существования. Табак, привозимый американцами морем, терял свою крепость, поэтому черкасский табак, доставляемый по суше, оставался востребованным товаром. На Анюй по-прежнему ежегодно приходили носовые чукчи с дорогими мехами. Сохраняли свое значение подарки.

Ясак на Анюйской ярмарке традиционно вносился шкурами красной лисы, хотя по уставу 1822 г. мог быть внесен любым продуктом промысла. В благодарность за внесение ясака и свой дальний переезд чукчи получали подарки. Средства на подарки выделялись государственной казной (до 75 руб.), а с 1852 г. – якутской областной канцелярией (до 150 руб.). Дарили чукчам железные котлы, порох, свинец, черкасский табак. Тот, кто в ясак вносил шкуру красной лисы, непременно получал котелок или другое железное орудие и 2 фунта табаку или 1 фунт пороха и 2 фунта свинца. Тот, кто вносил песца или ровдугу, оставался без железного изделия и получал только табак. Этим объяснялось стремление чукчей вносить ясак шкурами красной лисы. Деньги на подарки так или иначе поступали из государственной казны, а ясак «безнедоимочно» шел в Кабинет Его Императорского Величества. В итоге все оставалось при выгоде: государство за небольшие деньги располагало информацией о делах в регионе и даже оказывало небольшое влияние, а Кабинет получал чистый доход [8. Л. 1–2, 44–46, 97; 9. Л. 15, 29–30].

В 1869–1871 гг. барон Майдель отменил правила Трескина, ставшие уже стеснительными для ярмарки, и провел податную реформу. Он отменил подарки за ясак, разделил оленних чукчей на участки по местам их кочевания и перевел ясак на рубли по числу взрослых лучников (табл. 2).

Таблица 2

Обложение чукчей Колымского округа ясаком по реформе барона Майделя*

Участки	Ясак, руб.
1-й участок	12
2-й участок	29
3-й участок	101
Большая тундра	40
Анадырский хребет	65

*ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Картон 846. Д. 1079. Л. 30б.

Реформы оказались несколько преждевременными и окончательно вступили в действие только на рубеже XIX–XX вв. В 1970-е гг. ясак по-прежнему вносили в основном шкурами, а отмена подарков в 1872 г. вызвала негативную реакцию носовых чукчей, и в итоге эта традиция была сохранена [9. Л. 24–26]. (Подарки отменил уже *post factum* в 1902 г. земской заседатель Колымского округа Попов [4. С. 718–720. 5. Л. 8].)

На рубеже XIX–XX вв. Анюйская ярмарка снова оживилась. Расширился перечень товаров, привозимых на нее торговыми людьми. В ассортименте, кроме традиционных (кирпичного чая, черкасского табака и железных изделий), появились бумажные изделия (сукна,

платки), фарфоровая посуда, сахар, сухари, топленое масло, коврижки, пряники и пр. Шкуры красной лисы и песца по-прежнему присутствовали в товарах, предлагаемых чукчами, но основу торгового обмена составляли продукты местного промысла: белка, мамонтовая кость, выпоротки (шкурки не рожденных детенышей), оленьи шкуры, ровдуги (выделанные оленьи или лосиные шкуры) [10. Л. 7–8].

Между тем, отношения русских с чукчами уже вышли за пределы Анюйской ярмарки: часть чукчей вносила ясак на Анадырской ярмарке, жители г. Нижнеколымска установили с ними собственные торговые связи. Более того, чукчи выручали русское население Колымы в случае голода из-за неурожа рыбы, жертвуя оленей на прокорм и обменивая их на различные хозяйственные предметы и украшения: «...в голодные годы русские не раз пользовались даровыми оленями у чукчей, а при случае и проживали у них подолгу, кормясь на счет последних» [11. С. 33]. К началу XX в. почти все нижнеколымчане понимали и немного говорили по чукотски. (А еще в 1858 г. во время визита Дмитрия Хотто в Якутск приходилось пользоваться услугами переводчика чуванца.) Чукчи, в свою очередь, знали русские слова, некоторые прошли обряд крещения и носили русские имена [5. Л. 2–5].

В 1904 г. по ходатайству земского заседателя Колымского округа Попова чукотская ярмарка была перенесена в село Пантелеиху, в 45 верстах от г. Нижнеколымска (где, по свидетельству В.М. Зензинова, она функционировала и в 1916 г. [12. С. 5]). Обосновывая этот перенос, Попов утверждал, что это серьезно удешевит дорогу и будет много удобнее для русских торговцев. Раньше такую дальнюю дорогу торговцы предпринимали из-за опасения перед чукчами, но долговременные отношения с русскими и американцами «смягчили их нравы и в настоящее время их можно не опасаться, как это было некогда» [5. Л. 7–8. 10. Л. 30б.].

И в отчетах Колымских исправников 1870-х гг., и в отчетах земского заседателя Попова начала XX в., и в сочинении В.М. Зензинова постоянно говорится о падении оборотов Анюйской ярмарки, о ее исключительно местном значении. Однако торговые обороты Анюйской ярмарки во второй половине XIX – начале XX в. сильно колебались и не имели устойчивой тенденции к уменьшению. Они были рекордно низкими в 1875 г., но неожиданно выросли в 3 раза в 1899 г. (см. табл. 1). На ярмарку ежегодно приезжали и носовые чукчи, и якутские купцы, и анадырские торговцы, что выводило ее за рамки Колымской округи. Представляется особенно важным, что с середины XIX в. Анюйская ярмарка из главного и поначалу почти единственного пункта встреч русских с чукчами к началу XX в. стала лишь одним из этих пунктов, сохранив при этом свои интегративные функции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области 1868–1870 гг. СПб., 1894.
2. Вдовин И.С. Политика самодержавия на Чукотке // История и культура чукчей. Л.: Наука, 1987.
3. Йохельсон В.И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. СПб., 1893.
4. Августинович Ф. Три года в северо-восточной Сибири // Древняя и новая Россия. СПб., 1880. Кн. 12.

5. *Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 8. Картон 839. Д. 739. Отчет Земского заседателя Колымского округа капитана Попова об Анюйской ярмарке в 1902 г.*
6. *Вдовин И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.: Наука, 1965.*
7. *Вдовин И.С. Из истории отношений чукчей и эскимосов. VII международный конгресс антропологии и этнографии. М.: Наука, 1964.*
8. *ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 1735. Д. 29. Отчеты исправников Колымского округа об Анюйской ярмарке в Якутское областное управление.*
9. *ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Картон 2028. Д. 12. Отчеты исправников Колымского округа об Анюйской ярмарке в Якутское областное управление. Донесения Якутского губернатора в главное управление Восточной Сибири.*
10. *ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. картон 846. Д. 1079. Отчет об Анюйской ярмарке земского заседателя Колымского округа капитана Попова за 1903 г.*
11. *Богораз-Тан В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.*
12. *Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916.*

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июля 2008 г.